

Глубоко вздохнув и пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами, Му Юань заговорил вновь. В его помрачневшем взгляде читалась гнетущая решимость.

— После двух месяцев под «домашним арестом» я наивно полагал, что исцелился, — начал он.
— Как раз тогда мачеха окончательно поправилась и готовилась к выписке. Гнев отца немного поутих. Он даже прислал мне парадный костюм.

Му Юань на мгновение зажмурился. Тогда он действительно поверил, что у них появился шанс на примирение...

Стиснув зубы, он продолжил:

— Чтобы отпраздновать выздоровление супруги, отец решил закатить дома торжественный прием. Как сын — пусть и пасынок — я обязан был присутствовать.

Му Юань отрешенно смотрел вдаль, словно та сцена вновь ожила перед его глазами.

— В тот день я был на небывалом подъеме. Верил, что всё наконец-то осталось в прошлом, что я смогу вернуться к нормальной жизни. Но... случилось то, чего я никак не ожидал.

В памяти всплыло отражение в зеркале: точеные черты лица, волевой разлет бровей — он выглядел безупречно, точно ожившее изваяние древнегреческого бога. Темно-синий фрак сидел как влитой, а изысканные обшлага и золотое шитье на талии подчеркивали его стать.

Но стоило Му Юаню дойти до этого момента, как его голос резко изменился. В нем зазвучали колющие нотки напряжения.

— Уже на выходе из комнаты я почувствовал это. Ледяной озноб — от самого копчика до затылка. И в следующее мгновение холод начал стремительно нарастать. Сначала ноги, потом таз, поясница... Оцепенение поднималось выше и выше, пока не накрыло меня с головой.

Он чеканил каждое слово, но за этой безупречной дикцией скрывалась невыносимая, глубоко запятанная боль. Му Юань оставался бесстрастным, но Ли Ваньсин видел — тот лишь притворяется, будто всё забыто. На самом деле эта рана всё еще кровоточила.

Му Юань, не замечая пронизательного взгляда юноши, продолжал изображать безразличие:

— Те части тела, что сковал холод, мгновенно перестали мне подчиняться. Я стоял, и поскольку ноги отказали первыми...

Воспоминание о собственной беспомощности заставило его запнуться. Маска спокойствия дала трещину, он помрачнел.

— Я рухнул, — глухо произнес он. — С тяжелым стуком повалился прямо на колени.

В тот момент он вспомнил первые два приступа, но третий не был на них похож.

— В отличие от первого раза, я не потерял сознание. Напротив, разум оставался пугающе ясным. И боли, как во второй раз, не было — только этот всепоглощающий холод. Я отчетливо чувствовал, как секунда за секундой теряю власть над собственным телом. Видел, как сначала валюсь на пол, как пытаюсь опереться на руки, как в итоге распластываюсь на ковре, точно мертвец.

Му Юань непроизвольно сжал кулаки так, что побелели костяшки, но тут же заставил себя расслабиться.

— Едва холод коснулся икр, я успел отправить сообщение нашему медицинскому роботу, — с горькой усмешкой добавил он. — Попросил его о помощи. Я понимал: в такой великий день отцу с матерью не до меня. Им бы и в голову не пришло заглянуть ко мне, не говоря уже о том, чтобы везти в больницу.

Последние слова он произнес так тихо, что они едва не затерялись в тишине.

— Но... «ввиду нехватки персонала» робота нарядили официантом и отправили встречать гостей. Он не пришел. Когда я лежал там, скованный параличом, чувствуя щекой лишь ледяной блеск паркета, моя единственная надежда просто прошла мимо.

Закончив фразу, Му Юань надолго замолчал.

Ли Ваньсин ощутил, как сердце сжалось от тягучей жалости. Каково ему было тогда? Изувеченному, брошенному всеми в собственном доме... Он почувствовал внезапную злость на самого себя: почему в прошлой жизни он не нашел его раньше? Почему в этой встретил так поздно? Если бы он был рядом, Му Юаню не пришлось бы переживать это в одиночестве.

Му Юань перевел дыхание и разжал пальцы.

— Самое нелепое, — заговорил он ровным тоном, — что, лежа в этой унижительной позе, я слышал доносившуюся из зала музыку. Вальс. С одной стороны — яркие огни, роскошь и смех танцующих людей. С другой — холодный пол и отчаяние человека, который пытается встать, но не может даже пошевелить пальцем.

Он не стал продолжать. Те черные мысли, что роились в его голове тогда, не предназначались для ушей любимого Ваньсина.

— Обо мне вспомнили только после бала, — буднично подытожил Му Юань. — Отец возмутился, что я проявил «неуважение», не явившись к гостям, и послал дворецкого меня

наказать. Тот и обнаружил, что я снова болен. В больнице я пролежал восемь часов, не приходя в сознание.

Но рассказ на этом не закончился.

— А потом случился четвертый раз, — Му Юань судорожно вздохнул. Эти воспоминания давались ему тяжелее всего. — Наступила интеллектуальная деградация.

Он запнулся, подбирая слова. Сделал глубокий вдох, словно прыгая в ледяную воду.

— Я превратился... в умственно отсталого. Умел только лепетать что-то нечленораздельное. Не мог сам за собой ухаживать, не мог даже ложку донести до рта, а уж туалет...

Му Юань отвел взгляд, его лицо залил бледный румянец, а уши и вовсе стали пунцовыми. Но не от стыда, а от ярости на собственную никчемность.

— Все заботы спихнули на роботов. После того случая с приемом отец и мать окончательно ко мне охладели. Сейчас, — поспешно добавил он, стараясь вернуть голосу твердость, — после долгих тренировок, даже при самом тяжелом приступе мой интеллект не опускается ниже уровня пятилетнего ребенка. Того ужаса больше не повторится.

Он выпрямился, и в его осанке снова проступила былая мощь.

— Именно тогда я понял: у этой болезни нет предела. Нет конца. Я осознал, что, скорее всего, никогда не смогу от нее избавиться. Пятый приступ не заставил себя ждать — он пришел всего через две недели. А за ним шестой, седьмой...

Му Юань низко склонил голову.

— Приступы становились всё чаще, а формы — всё изощреннее. За четыре года это повторилось триста семьдесят два раза.

Он говорил об этом почти бесечно. Но Ли Ваньсин понимал: за каждой цифрой стояли бесконечные ночи, когда тело словно разрывали на части, дни абсолютного отчаяния и мучительные эксперименты в поисках хоть какого-то исцеления.

<http://bllate.org/book/17475/1696309>